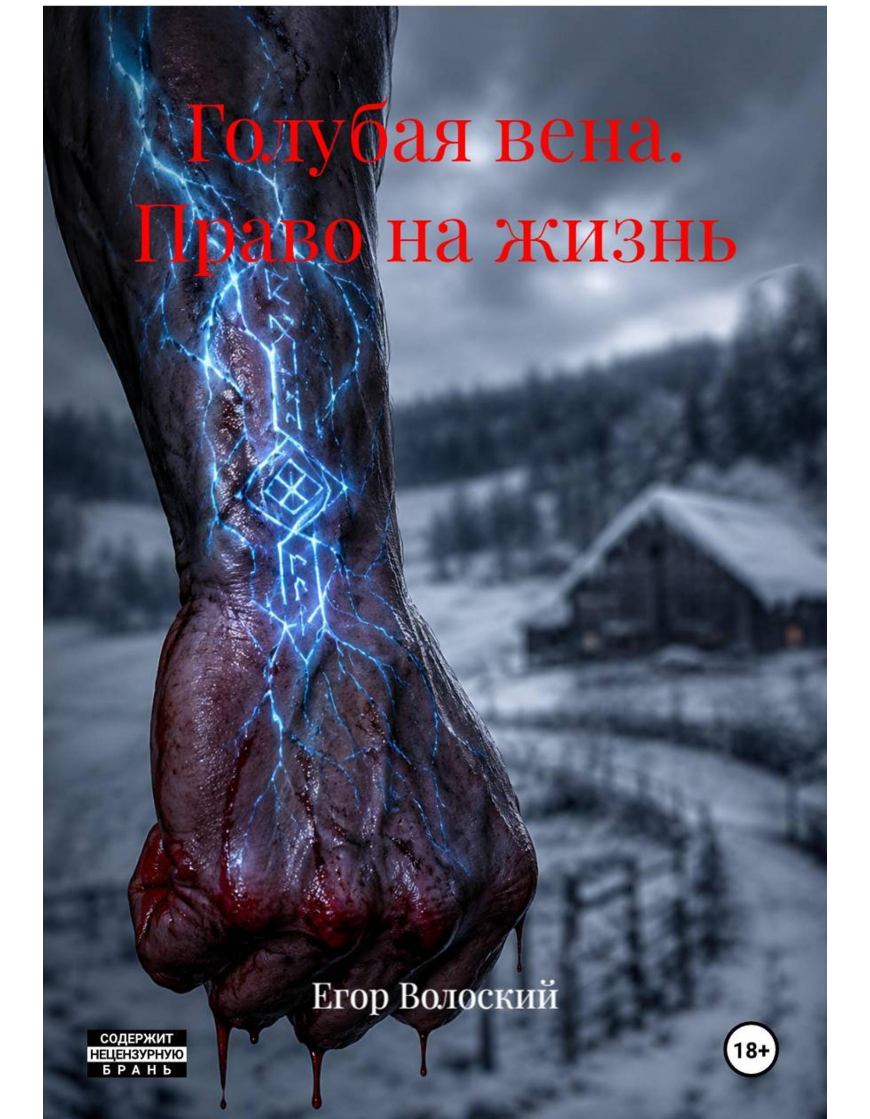

Голубая вена. Право на жизнь

Егор Волоский

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Егор Волоский

Голубая вена. Право на жизнь

<https://litres.ru/73996523>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ферма в Новокуровке стала их крепостью. Стены из кирпича, тепло от печки, колодец с чистой водой. После месяцев ада в городе Егор наконец-то может выдохнуть — его семья в безопасности, запасы пополнены, оружие заряжено. Но тишина обманчива. За околицей — лес, полный зомби, а среди людей, переживших катастрофу, зреет новая угроза. Чужая банда претендует на ферму, и переговоры невозможны. Егор знает из прошлой жизни, что доверять можно только проверенным. Но где найти союзников, когда вокруг — холод, голод и отчаяние? Группа «Сопка» где-то рядом, но успеет ли он их отыскать? Или сражение разгорится раньше!?

Выживание — не право. Это приговор, который нужно привести в исполнение.

Содержание

Глава 1. Переезд	4
Глава 2. Ферма. Первый снег	23
Глава 3. Лес. Кровь и счёт	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Егор Волоский

Голубая вена.

Право на жизнь

Глава 1. Переезд

Часть 1. Последняя ночь в городе

Снег перестал идти только к полуночи.

Я стоял у балконной двери, прижавшись лбом к холодному бронестеклу, и смотрел, как луна выбирается из-за туч, заливая двор мертвенно-белым светом. Тени от брошенных машин лежали на снегу, как распятые великаны. Где-то вдали, за кварталом, брели зомби — я видел их силуэты, медленные, шатающиеся, бесцельные. Они не знали, что завтра мы уходим. Они не знали ничего, кроме голода.

Позади, в комнате, тихо посапывала Вика. Дочь спала в кроватке, которую мы переставили в спальню к нам — в детской уже вторую неделю стояли коробки с вещами, мешки с крупой и пластиковые контейнеры с водой. Ира лежала рядом, свернувшись калачиком, подтянув колени к животу. Её дыхание было ровным, но я знал, что она не спит. Мы оба не спали в эту ночь.

— Егор, — её голос прозвучал тихо, почти шёпотом, но в тишине квартиры каждое слово было как выстрел. — Иди спать.

Я обернулся. Она смотрела на меня из темноты, глаза блеснули — то ли от лунного света, то ли от слёз.

— Не могу. Мысли всё лезут в голову.

— Тогда просто ложись. Рядом. Я подошёл, лёг под одеяло, не раздеваясь. Гидрокостюм был под рукой, бронежилет висел на спинке стула. Автомат стоял в изголовье. Я давно привык спать в полной готовности — это было неудобно, но безопасно. Ирина положила голову мне на плечо.

— Ты боишься?

— Да, — ответил я честно.

— Я тоже. Не за себя — за Вику. За тебя.

Я погладил её по волосам. Они пахли дымом и шиповником — шампуни кончились ещё месяц назад, мы мыли голову золой и отварами трав, которые я находил в аптеках. Это был странный, горьковатый запах, но он стал для меня запахом дома.

— Мы справимся, — сказал я.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что это правда. Она молчала долго, потом спросила:

— А в прошлой жизни ты тоже так говорил? Я не ответил. Потому что в прошлой жизни я не успел ничего сказать. В прошлой жизни она погибла. — Спи, — сказал я.

— Завтра трудный день.

— У нас с тобой каждый день трудный, — ответила она, но глаза закрыла. Я лежал и смотрел в потолок, пока её дыхание не стало глубоким и ровным. Потом осторожно выскользнул из-под одеяла, подошёл к окну. Внизу, у подъезда, всё так же бродили тени.

Мы уходили завтра. Навсегда.

Часть 2. Сборы

Подъём в пять утра.

Я разбудил всех, кто мог держать оружие. Олег уже сидел на кухне, пил кипяток с шиповником и мрачно смотрел в стену. Артём возился с автоматом — проверял затвор, магазин, прицельную планку. Дима стоял у окна, вглядываясь в предрассветную мглу.

— Завтрак готов, — Светлана вышла из кладовки с кастрюлей жидкой каши. — Ешьте, сил набирайтесь. Неизвестно, когда поедем в следующий раз.

Мы ели молча. Даже Вика, проснувшись рано, вела себя тихо — жевала размоченное печенье и смотрела на взрослых большими глазами. Она чувствовала напряжение. Дети всегда чувствуют.

— Порядок действий, — я отодвинул пустую миску и разложил на столе карту. — Выдвигаемся в два этапа. Первая группа — я, Ирина, Вика, Светлана с детьми, тётя Зина — на УАЗе. Вторая — Олег, Артём, Дима — на Газели. Встре-

чаемся у выезда из города, на трассе, у заправки. Не доедете через час — уходим без вас и ждём на ферме.

— Жёстко, — сказал Олег.

— По-другому никак. Город просыпается. Чем дольше мы здесь торчим, тем выше риск.

— А если на трассе засада?

— Если люди — договариваемся. Если зомби — прорываемся.

Артём поднял голову:

— А если и те и другие?

Я посмотрел на него. Парень был бледен, под глазами залегли тени. После гибели Нади он спал плохо, но держался. Я видел в нём ту самую жесткую жилку, которая либо сломаёт человека, либо сделает его выжившим.

— Тогда будем стрелять, — сказал я просто.

Никто не спросил, готовы ли они к этому. Мы были готовы. Или делали вид.

Грузили машины в темноте. Двор ещё не проснулся, но я чувствовал на себе взгляды из окон — соседи, те, кто ещё оставался в живых, смотрели, как мы уносим коробки с едой, баки с водой, ящики с патронами. Никто не вышел попрощаться. Никто не попросил взять с собой.

УАЗ был забит под завязку. Светлана с детьми и тётей Зиной — на заднем сиденье, среди коробок и мешков. Вика — у Ирины на руках. Я — за рулём.

Газель стояла во дворе соседнего дома — мы перегнали

её туда вчера, чтобы не светить раньше времени. Олег сел за руль, Артём рядом, Дима — в кузов, среди ящиков с оружием и снаряжением.

— Рация на частоте семь, — сказал я. — Связь каждые десять минут.

— Принял, — ответил Олег.

Я завёл двигатель. УАЗ рыкнул, выхлопная труба выдохнула облако пара в морозный воздух.

— Поехали.

Мы вырулили со двора в **6:47**.

Город спал. Точнее, он не спал — он замер, притворяясь мёртвым. Улицы были пусты, только зомби бродили у стен, как заводные куклы с сломанными механизмами. Некоторые поворачивали головы вслед машине, но не преследовали. Холод сковал их суставы.

Ирина сидела рядом, прижимая к себе Вику, и смотрела в боковое зеркало — туда, где оставался наш дом.

— Прощай, квартира, — прошептала она.

Я не оборачивался.

Часть 3. Засада у заправки

До выезда из города оставалось пять километров, когда рация ожила голосом Олега. В его тоне не было паники — Олег вообще был человеком, которого трудно было вывести из равновесия, но что-то заставило его говорить быстрее обычного.

— Егор, у меня проблема.

— Говори.

— Дорога перекрыта. Три машины, поперёк. Люди. Я сжал руль. За УАЗом наша Газель отстала метров на триста — Олег соблюдал дистанцию, чтобы в случае чего нас не зажали с двух сторон. Сейчас это расстояние казалось спасительным.

— Сколько их?

— Не вижу отсюда. Четверо. Может, пятеро. Стоят у машин, смотрят на меня. У двоих ружья, у одного монтировка. Ещё один не пойму, то ли топор, то ли мачете.

— Костёр?

— Да, жгут покрышки. Дым чёрный, на километр видно. Они не прячутся, Егор. Они, блядь, засаду устроили на трассе и даже не скрываются.

Я выругался сквозь зубы. — Тормози. Не выходи из машины. Не глуши двигатель. Я сейчас буду.

— А если полезут?

— Стреляй. В воздух. В колёса. В них, если подойдут ближе чем на десять метров. Но не дай себя окружить.

— Понял.

Я выключил рацию, повернулся к Ирине. Она сидела, прижимая к себе Вику, и смотрела на меня так, как смотрят жёны полицейских, когда муж уходит на опасное задание. Спокойно, без слёз, но с затаённым ужасом где-то глубоко внутри.

— Слушай меня внимательно, — сказал я. — Сейчас я разворачиваюсь и еду к Олегу. Ты остаёшься в машине. Дверь не открывать. Автомат держи на коленях. Если увидишь, что кто-то идёт к тебе, не спрашивая, — стреляй.

— А если их много?

— Бей по ногам. Чтобы упали. Потом — в голову. Патроны не жалея. Она кивнула.

— А ты?

— Я справлюсь.

Я вылез из УАЗа, хлопнул дверью. Снег скрипел под ногами, мороз обжигал лицо. Я прошёл к багажнику, достал второй автомат — АКС-74У, короткий, удобный для боя в тесноте. Повесил его через плечо. Мачете — на пояс. Два ножа — на пояс. Пистолет с глушителем — в кобуру под мышку.

— Егор! — крикнула из окна Светлана. — Что случилось?

— Сидите тихо, — ответил я. — Не высовываться. Закройте детей куртками. Если начнётся стрельба — падайте на пол.

— Господи Иисусе, — прошептала тётя Зина и перекрестилась. Я не стал ждать. Побежал назад по трассе, проваливаясь в сугробы. Ноги вязли, но я бежал. Скорость, подаренная камнем, толкала вперёд, заставляла мышцы сокращаться быстрее, чем у обычного человека. Снег летел из-под подошв, дыхание вырывалось клубами пара. Через три минуты я увидел Газель. Она стояла в полусотне метров от завала — трёх легковушек, составленных «ёлочкой», так, что между

ними и обочиной оставался узкий проход, достаточный разве что для мотоцикла. Умно. Очень умно. Те, кто ставил эту засаду, знали, что делали. Рядом с машинами, у костра из автомобильных покрышек, грелись четверо мужчин. Я насчитал четверых. Я не стал подходить открыто. Свернул в лесополосу, обогнул завал с левой стороны, вышел к ним с фланга. Снег маскировал шаги, ветер дул в лицо. Первый, кого я увидел, был здоровяк с бородой до груди. В руках — обрез охотничьего ружья. Рядом — худой, лысый, с двустволкой. Третий, молодой, с монтировкой, стоял чуть поодаль, посматривал на Газель. Четвёртый, в грязном пуховике, сидел у костра и чистил нож. Я замер за кучей снега, набитого в старый кузов грузовика. До них было метров двадцать.

— Видишь, — сказал бородатый, кивая в сторону Газели. — Грузёная. По самую крышу. Там и жратва, и стволы, и барахло.

— А если вооружены? — спросил лысый.

— Ну и что? Нас четверо. Двое с ружьями. Ты вон из двустволки с десяти метров в сковородку не промахиваешься. А в человека — и подавно.

Я слушал и не верил своим ушам. Они грабили проезжающих так, будто это было самым обычным делом. Без страха, без сомнений. И я понимал их. Конец света ломает не только кости, он ломает и мозг. Человек, который ещё месяц назад не мог убить комара, сегодня режет людей за банку тушёнки.

Но моя семья не будет их жертвой. Я поднялся из-за укры-

тия.

— Эй, — сказал я громко, чтобы они меня услышали.

Четверо повернулись одновременно. Бородатый схватился за обрез, лысый вскинул двустволку. Молодой с монтировкой попятился. Четвёртый, с ножом, так и остался сидеть, но рука его замерла.

— Стоять, — сказал я. Автомат смотрел им в грудь. Бородатый не опустил обрез.

— Ты кто такой?

— Тот, кто сейчас даст вам десять секунд, чтобы убраться с дороги.

— А если нет?

— Тогда вы все умрёте.

Он усмехнулся.

Обрез дрожал в его руках — не от страха, от холода и голода.

— Слышь, герой, — сказал он. — Ты один. А нас четверо. Трое с оружием. Ты тут в меньшинстве.

— Я и не в таких передрыгах бывал — сказал я. — А вы ребята даже опомниться не успеете, как двое из вас уже будут лежать на земле.

Я говорил спокойно, почти лениво. Как учили на переговорах в полиции: не кричать, не угрожать, просто констатировать факты.

— Ты блефуешь, — сказал бородатый, но голос его дрогнул.

— А ты проверь.

Повисла тишина. Слышно было, как потрескивает костёр из покрышек, как где-то далеко, на трассе, воет ветер. Я стоял и смотрел на них, и в голове уже прокручивал сценарий: первый — бородатый, выстрел в голову, он падает, обрез уходит вверх, дробь уходит в небо. Второй — лысый, прыжок влево, очередь в грудь. Третий — молодой, удар ногой, он не опасен. Четвёртый — нож в руку. Всё. Семь секунд. Может, восемь. Я уже приготовился. Но бородатый опустил обрез.

— Ладно, — сказал он. — Проезжайте. Но багажник открой. Мы посмотрим, что везёшь. Если ничего лишнего — отпустим. Я покачал головой.

— Даже не мечтай.

— Тогда мы сами посмотрим. Он сделал шаг вперёд. За ним — лысый. Молодой с монтировкой перехватил оружие поудобнее. Я вздохнул. В прошлой жизни мне приходилось сражаться не только с зомби, но и с людьми. Я помнил каждое лицо. Каждый крик. Каждую пулю, вошедшую в плоть. Но я не жалел ни о ком. Потому что это был выбор: или они, или моя семья. Сейчас выбор был таким же.

Я выстрелил первым. Короткая очередь из автомата с глушителем — два патрона. Оба вошли в грудь бородатому. Он рухнул, не успев даже вскрикнуть. Обрез выпал из разжатых пальцев и уткнулся в снег.

Лысый выстрелил из двустволки, но я уже ушёл в сторону — скорость, подаренная камнем, позволила мне сместиться

на метр за долю секунды. Дробь ушла в то место, где я только что стоял. Ответная очередь — три патрона. Два попали в цель, один ушёл в молоко. Лысый упал на колени, потом набок, забился в снегу. Молодой с монтировкой побежал. Я Остановился, сделал короткую очередь и парень вскинув руки упал замертво. Четвёртый, тот, что сидел у костра, так и не поднялся. Он сидел, сжимая в руке нож, и смотрел на меня белыми от ужаса глазами. Нож дрожал. Я быстро сократил дистанцию, и одним тренированным движением, с разбега ударил ногой в голову. Тот рухнул головой в снег и захрипел. Я взял с земли двустволку валяющуюся рядом с лысым, приставил дуло к голове раненого и нажал на спуск.

Выстрел прозвучал как гром среди зимы.

Я остался один среди трёх машин, дымящего костра и трупов. Рация ожила.

— Егор, — голос Ирины. — Что там? Я слышала выстрелы.

— Всё кончено, — ответил я. — Можешь ехать.

— Ты цел?

— Цел. Только костюм в крови. Не моей. Она молчала секунду, потом спросила:

— Сколько их было? — Четверо. Они больше не опасны

— Боже

— Ира, — сказал я твёрдо. — Они хотели нас ограбить. У них были ружья.

Она не ответила. Я знал, что она понимает. И всё равно

ей было тяжело. Мне тоже. Но я давно научился не показывать это. Олег подошёл ко мне, когда я обыскивал карманы убитых.

— Зачем это? — спросил он.

— Патроны. Еда. Всё, что пригодится.

— Егор, они же люди.

— Были. Теперь — трупы. И не надо мне читать мораль. Олег замолчал, помог собрать оружие. Двустволка, обрез, ножи. Патроны — горсть, всего двадцать штук дробью. Еда — ничего, только кусок чёрствого хлеба и фляга с мутной водой.

— Нищие, — сказал Олег.

— Отчаявшиеся, — поправил я. — Отчаявшиеся — самые опасные.

Мы загрузили трофеи в Газель. Трупы оставили у дороги — зомби съедят, замёрзнут, неважно. Я не собирался их хоронить. Ира подъехала на УАЗе, остановилась рядом. Выглянула из окна, посмотрела на тела.

— Ты их — начала она.

— Да, — перебил я. — И не жалею. Поехали.

Она хотела что-то сказать, но промолчала. Вика спала — дети удивительно быстро привыкают к стрельбе. Мы погрузились в машины и поехали дальше. Я смотрел в зеркало заднего вида, как четыре фигуры лежат на снегу, и не чувствовал ничего.

Часть 4. Трасса

Мы выехали на трассу Р-297 в 9:47 утра. До Новокуровки оставалось тридцать два километра, но дорога, заваленная снегом и брошенными машинами, превращала эти километры в марафон. Я вёл УАЗ, объезжая сугробы и ржавые остова автомобилей, которые когда-то везли людей на работу, на дачу, к любовницам, к детям. Теперь они стояли молчаливыми памятниками прошлой жизни. Снег пошёл снова — мелкий, колючий, он бил в лобовое стекло, и дворники едва справлялись. Я включил ближний свет, хотя вокруг не было ни души.

— Олег, как слышно? — вызвал я по радиии.

— Нормально, — ответил он. — Держусь за тобой. Топлива — полбака.

— Смотрите внимательнее по сторонам.

— Понял. Я выключил радию, повернулся к Ирине. Она кормила Вику — открутила крышечку с детским питанием, зачерпнула ложкой. Дочь ела с аппетитом, причмокивая и размазывая пюре по губам.

— Как ты думаешь, — спросила она, не поднимая глаз, — эта ферма она того стоит?

— А у нас есть выбор? — спросил я в ответ.

— Всегда есть выбор. Мы могли остаться в городе.

— И умереть там через месяц. Или через два. Но умереть. Вспомни Павла. Если бы не антибиотики, он бы не выжил. А где мы возьмём антибиотики через месяц? А через два? В

городе они кончатся. В аптеках всё разграблено. На складах — тоже. Она промолчала.

— Послушай, — я взял её за руку, поверх вязаной варежки. — Я не знаю, что нас ждёт на ферме. Может, там пусто. Может, занято. Может, зомби. Но это шанс. Настоящий шанс, а не просто оттягивание конца.

— А если ничего не получится?

— Если ничего не получится — будем искать дальше. Но пока не попробуем — не узнаем.

Она кивнула, убрала ложку, прижала Вику к себе. Дочь уже наелась и теперь смотрела на мать большими спокойными глазами.

— Я верю тебе, Егор. Всегда верила. Я сжал её пальцы.

— Спасибо.

В этот момент из рации раздался голос Олега:

— Егор, у меня что-то с двигателем. Дымит.

— Останавливайся. Проверь.

Я съехал на обочину, вышел из машины. Снег скрипел под ногами, ветер бил в лицо. Газель остановилась в полусотне метров позади, из-под капота валил серый дым. Артём и Дима уже выскочили, открыли капот. Олег копался в моторе, матерился сквозь зубы.

— Что там? — спросил я, подходя ближе.

— Прокладка головки блока, — сказал он, не оборачиваясь. — Антифриз в масло. Если поедим дальше — двигатель заклинит.

— Починить можно?

— Теоретически — да. Но у меня нет запчастей. Ни прокладки, ни герметика.

Я выругался. Тридцать два километра до фермы. Двадцать — до ближайшего села, где мог быть гараж или станция техобслуживания.

— Сколько у нас времени?

— Если ехать медленно, с остановками, чтобы двигатель остывал — километров десять.

— Выгружаем всё из Газели, — принял решение я. — Перекладываем в УАЗ. Олег, Артём, Дима — идёте пешком за машиной. Я доставлю первую партию на ферму и вернусь за вами.

— Пешком? Тридцать два километров по снегу? — спросил Артём.

— Восемь до гаража. В гараже найдёте машину. Или запчасти. Или и то и другое.

— А если нет?

— Тогда пройдёте сколько сможете, пока я за вами не вернусь. Олег захлопнул капот, вытер руки о снег.

— Ладно. Давайте грузиться.

Мы перекидывали коробки, мешки, ящики из Газели в УАЗ. Светлана подавала, Ирина принимала, тётя Зина сидела с детьми. Вика сидела в машине и с интересом наблюдала за суетой. УАЗ заполнился под завязку. На заднем сиденье, среди вещей, с трудом поместились Светлана с детьми и тётя

Зина. Вика — у Ирины на руках. Я — за рулём.

— Будьте аккуратны, — сказал я Олегу. — Рацию не выключай. Через два часа я выеду вам навстречу.

— Договорились — ответил он. Я кивнул. Завёл двигатель.

— Поехали, — сказал я Ирине.

УАЗ рыкнул, выхлопная труба выдохнула облако пара. Мы оставили Газель на обочине — ржавую, дымящуюся, бесполезную. Олег, Артём и Дима стояли у дороги, глядя нам вслед.

— Не пропадите! — крикнула Ирина в окно.

— Постараемся, — ответил Олег.

Я нажал на газ.

Часть 5. Сильный снегопад

Снег валил всё сильнее. Дворники не справлялись, видимость упала до полусотни метров. Я вёл машину почти вслепую, ориентируясь на обочину и редкие столбы. Ирина молчала, только иногда поправляла Вику, которая ёрзала, пытаясь улечься поудобнее. Светлана задремала, дети тоже. Тётя Зина смотрела в окно и перебирала чётки.

— Ты не боишься, что Олег не дойдет? — спросила Ирина.

— Олег — старый волк. Справится.

— А Дима? Ему всего тринадцать.

— Дима умеет стрелять. И не паникует. Это главное. Она

помолчала.

— Ты стал другим, Егор. Раньше ты переживал за всех. А теперь...

— А теперь у меня есть вы. И вы — главное.

— Это жестоко.

— Это жизнь.

Мы въехали в Новокуровку в **11:23**.

Село встретило нас той же тишиной, что и в прошлый раз. Дома с заколоченными окнами, покосившиеся заборы, сугробы выше человеческого роста. Ни дыма, ни следов.

— Приехали, — сказал я. УАЗ заурчал, сбавляя скорость. Я свернул на просёлок, ведущий к ферме. Ворота были закрыты — я вышел, откинул засов. Железо лязгнуло, примерзшие петли заскрипели, но поддались. Я заехал во двор. Ферма стояла перед нами — кирпичная, двухэтажная, с шиферной крышей и заколоченными окнами. Амбар, сарай, курятник. Колодец. И снег — везде.

— Выходим, — сказал я. Мы выгружались молча, без лишних слов. Я открыл входную дверь — внутри пахло пылью и морозом. Всё было так же, как в прошлый раз. — Светлана, забирай детей. Ирина, Вику — в дом, греть воду. Тётя Зина — на кухню, печь проверить.

— А ты? — спросила Ирина.

— Я за Олегом.

Она подошла, обняла меня. Крепко.

— Вернись, — сказала она.

— Всегда возвращаюсь.

Я сел в УАЗ, развернулся и выехал со двора. Через час я нашёл их на трассе. Они прошли километров двенадцать. Олег шёл первым, прокладывая путь. Артём — за ним, Дима — замыкающим. Все трое были белыми от снега, уставшими, но живыми.

— Садитесь, — сказал я, открывая дверь.

Олег забрался на переднее сиденье, Артём и Дима — назад.

— Как там ферма? — спросил он.

— Ждёт.

— Хорошо.

Мы поехали обратно. Снег валил всё сильнее, но теперь я не боялся. Впереди был дом.

В 14:15 мы въехали во двор фермы. Все вместе. Ирина стояла на крыльце, укутанная в платок, и улыбалась.

— Заходите, — сказала она. — Печь растопили. Вода греется. Мы зашли в дом. Внутри было тепло. Потрескивали дрова в голландке, пахло дымом и шиповником. На столе стояла кастрюля с горячей водой и кружки.

— Садитесь, — сказала Светлана.

— Чай будем пить.

— Чай ? — спросил я.

— Кипяток. С шиповником. Тоже вкусно.

Я сел к столу. Ирина рядом. Вика ползала по полу, радуясь теплу.

— Ну что, — сказал Олег, отхлебнув из кружки. — Начинается новая жизнь?

Я посмотрел на него. Потом на Жену. Потом на детей, на старуху, на парней, которые уже стали почти семьёй.

— Да, — сказал я. — Начинается.

Я не знал, что ждёт нас впереди. Знал только одно: мы не сдадимся.

Глава 2. Ферма. Первый снег

Часть 1. Пробуждение в тишине

Я проснулся от того, что замёрз.

Это было не то резкое пробуждение от кошмара или выстрела, к которому я привык за два месяца. Это было медленное, тягучее возвращение в реальность, когда холод пробирается под одеяло, щиплет пальцы ног, заставляет съёжиться и искать тепла там, где его уже нет. Печь прогорела.

Я открыл глаза. В комнате царил серый полумрак — свет только начинал пробиваться сквозь щели в заколоченных окнах. Слышно было, как за стеной поскрипывают половицы — кто-то уже встал. Где-то внизу лязгнула заслонка печи, послышался негромкий голос Олега.

Я сел на полу, укрытый старым ватным одеялом, и осмотрелся. Мы спали в бывшей гостиной — самой большой комнате на первом этаже. Спали вповалку, как цыгане в таборе: я, Ира с Викой, Света с двумя детьми, тётя Зина. Олег, Артём и Дима расположились на кухне — там было теплее из-за близости печи. Никому не нравилось спать вшестером в одной комнате, но в доме было холодно, и только совместное тепло помогало не замёрзнуть окончательно. Ирина лежала рядом, свернувшись калачиком, прижимая к себе Вику. Дочь спала, накрутив мамин волос на пальчик — её лю-

бимая поза. Лицо у неё было спокойное, безмятежное, такое, какое бывает только у детей, которые ещё не знают, что мир рухнул. Я смотрел на неё и думал: ради этого стоит жить. Ради этого стоит просыпаться каждый день в холоде и голоде, но знать, что она жива.

Я осторожно встал, стараясь не скрипеть половицами. Натянул куртку, сунул ноги в берцы — они промёрзли за ночь, и стельки казались ледяными. Вышел в коридор. Ферма встречала меня запахом сырости, старого дерева и дыма. Стены из красного кирпича хранили холод, как погреб. Я поёжился, прошёл на кухню. Олег сидел у печи, подкидывал в огонь щепки. Лицо у него было осунувшееся, небритое — он уже неделю не брился, и рыжеватая щетина топорщилась на подбородке. Глаза красные, но взгляд бодрый.

— Слышал, как ты ворочался, — сказал он, не оборачиваясь. — Не спится?

— Холодно.

— Привыкнешь. Мы не в гостинице, тут удобств не обещали.

— А я и не жалуюсь. Констатирую факт.

Он усмехнулся, подвинулся, освобождая место у печи. Я сел рядом, протянул руки к огню.

— Сколько дров осталось?

— На пару дней, если экономить. Дима вчера нарубил мало — устал, замёрз. Сегодня пошлём его снова.

— Пошлём. Но не одного. Возьми Артёма, пусть помога-

ют.

— Артёма я хотел на окна поставить. Второй этаж — там щели, дует.

— Значит, окна сначала. Дрова потом. Без окон тепло не удержим.

Олег кивнул, помешал угли кочергой.

— Слышал? — спросил он вдруг.

— Что? — Тишина. Я прислушался. Действительно, тишина была особенной — не городской, выморочной, а лесной, живой. Где-то далеко, за стенами, ветер гнал снег по крыше. Слышно было, как потрескивают дрова, как поскрипывает дом, оседая на морозе.

— Хорошая тишина, — сказал я.

— Страшная, — ответил Олег. — В городе ты знаешь, откуда прилетит пуля. А здесь — лес. Не поймёшь, кто по ту сторону.

— Потому и надо укрепиться.

— А потом что? Я посмотрел на него.

— А потом — жить дальше.

Он не ответил. Только вздохнул тяжело, по-стариковски, хотя ему не было и сорока.

Часть 2. Завтрак без хлеба

К семи утра проснулись все. Светлана хлопотала у печи, грела воду в большом чайнике — ржавом, эмалированном, с отбитым носиком. Тётя Зина перебирала крупу — отделяла

хорошие зёрна от гнилых, ссыпала их в мешок. Дети возились в углу, играли в «дочки-матери» — мирная игра, которая в этом мире казалась издевательством над реальностью. Ирина вышла к столу с Викой на руках. Дочь уже проснулась, но была сонной, тёрла кулачками глаза и кряхтела.

— Есть хочешь? — спросила Ирина.

— Попробую, — ответил я.

Она усмехнулась.

— Я не про тебя. Я про дочь.

— А, ну про неё — хочет.

Ирина достала из рюкзака банку детского питания — это была драгоценность, которую мы берегли как зеницу ока. Развела порошок тёплой водой, размешала ложкой. Вика увидела еду и оживилась, захлопала в ладоши.

Мы завтракали тем, что было: кипяток с шиповником, несколько кусков чёрствого хлеба на всех, размоченные в воде, по куску вяленого мяса и горсть сухарей, которые Светлана на сушила ещё в квартире.

— Маловато, — сказал Артём, глотая свой кусок.

— Привыкай, — ответил Олег.

— На ферме хлеб не растёт.

— А что растёт? — Ничего.

Артём замолчал, уставился в кружку.

— Весной будем сажать, — сказал я. — Картошку, морковку, лук. Найдём семена.

— А где?

— В селе. В брошенных домах. У старух всегда были запасы.

— А если они там ещё живы.

— Если живы — поделимся. Если нет — возьмём.

Артём поднял на меня глаза.— Ты спокойно говоришь о чужих смертях.

— Я говорю о выживании. Смерть — часть выживания. Чужая или своя — не важно.

Он хотел что-то сказать, но передумал. Ирина поймала мой взгляд и покачала головой — мол, не надо так жёстко. Я не ответил. Правда есть правда.

Часть 3. Распределение обязанностей — живой разговор

После завтрака я собрал всех в большой комнате. Не как командир — как старший, который отвечает за каждого.

Я сел на перевёрнутый ящик из-под патронов, сложил руки на коленях.

— Давайте поговорим о делах, — сказал я. — Работы много. Бездельников у нас нет. Но я не буду раздавать приказы как в казарме. Скажите, что вы умеете, что готовы делать. А я распределяю. Олег хмыкнул.

— Я умею водить машину, стрелять и материться. Ещё могу дрова колоть.

— Это пригодится. Ты с Артёмом сегодня займётесь окнами на втором этаже. Щели заделать, досками заколотить,

железом укрепить. Олег кивнул.

— Артём, — я повернулся к парню. — Ты что умеешь?

Он помялся. — Отец учил машины чинить. Немного. И стреляю я хорошо.

— Стрельба пригодится позже. А сейчас — окна. Поможешь Олегу. Научишься — пригодится. Он кивнул, но без энтузиазма.

— Дима, — я посмотрел на сына Алексея. — Ты вчера дрова рубил. Сегодня продолжишь. Но не один. Ира, ты можешь с ним? Она подняла брови.

— Я?

— Ты. Топор в руках держала. Вику на время оставишь Светлане. Или тётё Зине.

Света кивнула. — Я с детьми посижу.

— Хорошо. Ирина, ты с Димой идёте в лес. Он рубит, ты собираешь. Вдвоём быстрее.

Ирина вздохнула, но спорить не стала.

— Светлана, ты и тётя Зина — вода. Колодец во дворе. Насос замёрз, поднимете вёдрами. Половину на кухню, половину на умывание.

— А мыться чем? — спросила Светлана.

— Пока снегом. Горячей воды не будет — дрова бережём.

— Господи, — прошептала она, — дожились. Тётя Зина молча перекрестилась.

— А ты, Егор? — спросил Олег. — Чем будете заниматься?

— Крышей. Панелями солнечными. И тем, что не успеете вы.

— То есть всем? — усмехнулся он.

— То есть всем, — подтвердил я. — Это не стройка с бригадой рабочих. Это выживание. Каждый вносит вклад.

— А если кто-то не хочет? — спросил Артём.

Я посмотрел на него. Вопрос был не праздный.

— Тогда этот кто-то — не член нашей группы. А гость. Гостей мы кормим, но не делим с ними риски. И гость может уйти в любой момент.

— Жёстко, — сказал он.

— Честно, — поправил я. Он опустил глаза. Спорить не стал.

Часть 4. Разговор с женой

После собрания Ирина подошла ко мне на кухне.

— Ты мог бы помягче с ними, — сказала она, забирая у меня кружку и наливая кипяток.

— Зачем?

— Чтобы не боялись.

— Бояться — полезно. Страх заставляет быть осторожным.

— А уважение?

— Уважение зарабатывается делами. Словами его не купишь.

Она поставила кружку передо мной, села напротив.

— Ты изменился, Егор. Раньше ты был мягче.

— Раньше у меня не было пяти лет ада за плечами.

— И поэтому ты стал чёрствым?

— Я не чёрствый, я живой Ир. А чёрствые — это те, кто умер внутри.

Она помолчала, глядя в окно.

— А я боюсь, что ты ожесточишься, потеряешь человечность. Это страшно.

— Не бойся. Я слишком люблю вас, чтобы превращаться в монстра.

— Ты уже превращаешься. Ты убил тех людей на трассе без колебаний.

Я вздохнул.

— Ира, они хотели нас ограбить. У них было оружие. Если бы я не сделал то что сделал, сейчас мы бы здесь не сидели.

— Я знаю. Но ты даже не сомневался.

— У меня не было времени сомневаться. И никогда не будет. Мы живём в мире, где секунда решает всё. Она покачала головой, взяла меня за руку.

— Я не осуждаю. Я просто боюсь за тебя.

— Не нужно за меня бояться, я справлюсь.

Она усмехнулась — грустно, через силу.

— Ты всегда такой самоуверенный?

— Нет. Но для тебя стараюсь быть.

Она встала, поцеловала меня в щёку.

— Иди уже, герой. Крыша ждёт.

Часть 5. Крыша — работа и мысли

Я забрался на крышу через чердачный люк. Ветром здесь дуло сильнее, чем внизу, а снег лежал такими сугробами, что я проваливался по колено. Шифер был старый, кое-где треснувший, но держался. Я прошёлся по всей поверхности, отмечая места, где требовался ремонт. Солнечные панели мы привезли с собой — четыре штуки, каждая по 450 ватт, плюс аккумуляторы и контроллер. Их нужно было установить на южном скате, там, где солнце бывает большую часть дня. Я разметил места для креплений, достал дрель и начал сверлить. Шифер крошился под сверлом, но я работал осторожно, без спешки. Работа на высоте успокаивала. Здесь, наверху, не было слышно детского плача, споров, скрипа половиц. Только ветер, снег и стук инструментов. Я мог думать. О чём я думал? О прошлом. О будущем. О группе «Сопка», которая где-то там, в лесах или в городе, возможно, ещё жива.

Вера, с её ледяным взглядом и руками, которые умели держать нож. Катя умеющая отлично обрабатывать раны. Лиза и Алиса — две сестры, которые стали мне почти родными. Дима-механик, который мог починить что угодно, от генератора до детской игрушки. Старик Николай, который учил меня, что даже в конце света можно сохранить человеческое достоинство. И Лёша — мальчишка, который смотрел смерти в глаза так же спокойно, как я. Они живы. Пока живы. Я найду их. Спасу. Не повторю ошибок прошлого.

Я отвлёкся на мысли и чуть не сорвал крепление. Выругался сквозь зубы, поправил.

Работал до обеда. Внизу, во дворе, слышны были голоса — Олег с Артёмом грохотали железом, заколачивая окна. Где-то за домом стучал топор — Дима рубил сухостой, а Ирина собирала ветки в кучу. Светлана с тётей Зиной гремели вёдрами у колодца. Ферма оживала. К обеду я закончил с креплениями, прикрутил панели, протянул провода в чердачное окно. Оставалось подсоединить их к аккумуляторам и инвертору, но это я сделал уже в тепле. Спустился вниз — продрогший, мокрый, но довольный.

Ирина встретила меня на кухне с кружкой горячего кипятка. Вика сидела у неё на руках и жевала сухарь.

— Замёрз? — спросила она.

— Как собака.

— Иди к печи, согрейся. Я сел у огня, протянул руки к пламени.

— Панели поставил. К вечеру будет свет.

— Хоть какое-то счастье.

— А что у вас?

— Димка нарубил много дров. Олег с Артёмом заколотили три окна. Светлана натаскала воды. Тётя Зина перебрала крупу — говорит, на месяц хватит.

— Хорошо.

— А ты как? — она присела рядом. — На крыше не страшно?

— Страшно, когда внизу зомби. А когда просто высота — нет.

— Ты ничего не боишься?

— Боюсь. Боюсь за вас. Боюсь не успеть. Боюсь ошибиться.

Она погладила меня по плечу.

— Ты всё делаешь правильно.

— Надеюсь.

Мы помолчали. Вика заснула прямо у Ирины на руках — сухарь выпал, покатился по полу.

— Уложи её, — сказал я. — И сама отдыхай.

— А ты?

— Я проверю периметр.

Часть 6. Обход фермы

Периметр фермы составлял около двухсот метров — двор, огород, амбар, сарай, курятник. Всё это было огорожено старым штакетником, который местами сгнил, местами повалился. Не защита, а декорация.

Я обошёл всё по кругу, отмечая слабые места: северная сторона, где забор почти полностью развалился; восточная, где был лаз под проволокой; южная — с воротами, которые мы укрепили цепью и навесным замком.

Вернулся на крыльцо, достал блокнот. Набросал план: укрепить северную стену — вкопать столбы, натянуть колючую проволоку (её мы нашли в амбаре). Восточный лаз — за-

валить камнями, досками. Ворота — сварить дополнительную задвижку. Работы на неделю. Может, на две.

Олег вышел на крыльцо, закурил — последняя сигарета, которую он берёт три дня.

— Докладываю, — сказал он. — Окна на втором этаже заколотили. Осталось два — на них листов не хватило.

— Нарежем из тех, что в сарае.

— А в сарае их штук пять, не больше.

— Значит, хватит на два окна.

Олег затаился, выпустил дым в морозный воздух.

— Скажи, Егор. Мы здесь надолго?

— Надеюсь, надолго.

— А если на нас нападут?

— Тогда будем защищаться.

Я посмотрел на него.

— Ты боишься?

— Я реалист.

— Реалист боится, но делает.

Он усмехнулся.

— Ты всегда такой философ?

— Только когда устаю.

— Иди отдохни. Я ещё посижу тут.

Я кивнул, хлопнул его по плечу и ушёл в дом.

Часть 7. Вечер у печи

После ужина все собрались на кухне. Светлана подала ки-

пяток с шиповником — единственное, что у нас осталось из горячих напитков. Дети уже спали в гостиной, укутанные в одеяла. Тётя Зина дремала в кресле. Олег сидел на лавке, чистил автомат. Артём возился с рацией — пытался поймать волну, но слышал только шипение.

— Никого нет, — сказал он разочарованно.

— И хорошо, — ответил я. — Значит, рядом никого.

— Или все молчат, чтобы их не нашли.

— Тоже вариант.

Дима сидел в углу, сжимая в руках кружку. Он выглядел уставшим — после рубки дров у него болели руки, он сжимал пальцы, морщась.

— Дим, — сказал я. — Как ты?

— Нормально.

— Не ври.

Он поднял на меня глаза — чёрные, глубокие, с той грустью, которая бывает только у детей, переживших слишком много.

— Я устал. И всё время думаю о родителях.

— Это нормально.

— А что не нормально?

— Не нормально — заикливаться. Они погибли. Нужно жить дальше.

Он опустил взгляд.

— Ты жестокий.

— Я честный.

— А честность всегда жестокая?

— Часто. Но это лучше, чем ложь, которая утешает сейчас и убивает завтра.

Он замолчал. Я не стал давить. Ира подошла, села рядом.

— Не грузи парня, — сказала она тихо. — Он должен это понять. Чем раньше, тем легче ему будет.

— Легче не будет. Просто привыкнет.

— Привыкнуть — тоже вариант.

Дима не слышал — или делал вид, что не слышит. Мы сидели в тишине, слушая, как потрескивают дрова в печи. Где-то за стеной, в ночи, выл ветер.

— Завтра, — сказал я, — начнём укреплять северную стену. Олег, ты с Артёмом и Димой вкапываете столбы. Я натягиваю проволоку.

— А я? — спросила Ирина.

— А ты — с Викой. И готовишь еду.

— Я тоже могу работать.

— Ты и так работаешь.

Она хотела возразить, но я покачал головой.

— Не спорь. Ты нужна нам здоровой. А Вике нужна мать.

Она ничего не ответила.

Часть 8. Разговор перед сном

Мы легли поздно.

Я проверил замки, заслонку в печи, запас дров на ночь. Вернувшись в спальню, увидел, что Ирина не спит — сидит

на матрасе, обхватив колени руками, и смотрит в темноту.

— Что-то случилось? — спросил я, садясь рядом.

— Ничего. Просто думаю.

— О чём?

— О нас. О том, как мы жили до всего этого. О квартире, о работе, о том, как мечтали о даче. И вот теперь дача у нас есть.

— Только без удобств и с зомби за забором.

Она усмехнулась.— Да. И это наша жизнь теперь.

— Это наша жизнь, — подтвердил я. — Но мы вместе. И это главное.

Она положила голову мне на плечо.

— Ты правда веришь, что у нас всё получится?

— Верю.

— А если нет?

— Тогда мы придумаем что-то другое.

Она молчала долго, потом сказала: — Ты всегда такой уверенный?

— Нет. Но для тебя стараюсь.

— Ты уже говорил это.

— Потому что, это правда.

Она поцеловала меня в щёку, потом в губы.

— Спасибо, любимый.

— За что?

— За то, что ты есть. За то, что не сдаёшься. За то, что любишь меня. Я обнял её, прижал к себе.

— Это я должен тебя благодарить. За Вику. За то что веришь в меня. За то, что ты со мной.

Мы лежали в темноте, слушая, как дышат во сне дети, как посапывает тётя Зина, как где-то далеко, в лесу, ухает сова. Ферма засыпала. Я закрыл глаза и подумал: завтра будет новый день. Новые заботы. Новая опасность. Но мы справимся. Потому что у нас нет выбора. И потому что мы — семья.

Глава 3. Лес. Кровь и счёт

Часть 1. План и сомнения

Утро третьего дня на ферме началось с того, что Олег разбудил меня затемно.

— Егор, подъём, — сказал он, тронув меня за плечо. Я спал чутко, вскочил мгновенно, рука сама потянулась к ножу. — Тихо, тихо, это я.

Я выдохнул, опустил руку.

— Что случилось?

— Ничего. Но надо поговорить, пока остальные не проснулись.

Мы вышли на крыльцо. Мороз был лютым — градусов под тридцать, снег скрипел под ногами, и пар изо рта вырывался густыми клубами. Олег закурил — не полную пачку нашёл в амбаре.

— Я вчера обошёл периметр, — сказал он. — Надо укреплять ферму серьезней, твоя колючка — она не спасёт.

— Знаю, я уже думал об этом.

— Тогда что предлагаешь ?

Олег выпустил дым.

— Я предлагаю сделать нормальные укрепления. Вкопать столбы. Сделать ров. Хотя бы метр глубиной, полтора.

— Ров? — он усмехнулся. — Ты представляешь, сколько это работы? Мёрзлая земля, лопаты у нас три штуки, людей — пять.

— А ты представляешь, что будет, если придёт толпа зомби? Или люди с грузовиком? Колючка их задержит на три секунды.

Он замолчал, понимал что я прав.

— Давай так, — сказал я. — Сначала лес. Мне нужно проверить, что там, за опушкой. Ближайший тракт — в трёх километрах. Там могут быть машины, топливо, еда. И зомби.

— Зомби есть везде.

— В лесу их меньше. И они медленнее — холод сковал суставы. Сейчас — самое время для разведки.

Олег потушил сигарету о перила, спрятал окурок в карман — мусорить не привык.

— Когда идём?

— Сегодня. Ты, я и Дима.

— Артёма не берёшь?

— Артём остаётся с Ирой и Светой. На ферме тоже нужны люди.

Олег кивнул.

— Во сколько?

— Через час. Пока соберёмся, пока свою предупрежу.

Он ушёл в дом, а я остался на крыльце, глядя на лес.

Тёмная стена елей и лиственниц стояла в полусотне метров от фермы. Днём она казалась просто лесом — обычным,

таёжным, какие я видел сотни раз. На рассвете же, в сером предутреннем свете, она выглядела как живая изгородь из копий, за которой пряталось нечто. Я не верил в мистику, но чуйка, выработанная за пять лет апокалипсиса, редко когда меня обманывала.

Лес таил опасность. Какую — я не знал. Но собирался узнать.

Часть 2. Сборы и прощание

Ира проснулась, когда я уже надевал бронежилет.

— Ты куда? — спросила она сонно, приподнимаясь на локте.

— В лес. На разведку.

— Один?

— С Олегом и Димой.

Она села, натянула одеяло на плечи.

— Зачем Диму? Он ребёнок.

— Он метко стреляет. И ему нужно учиться. Чем раньше — тем лучше.

— Егор

— Ира, — я повернулся к ней. — Я не хочу его терять. Я никого не хочу терять. Но если мы будем прятаться за стенами, мы никогда не выживем. Нам нужны ресурсы. Нам нужна информация. Нам нужно знать, что за лесом.

Она опустила глаза.

— Я боюсь.

— Я тоже.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что это правда.

Она встала, подошла, обняла меня. Вика спала в углу, закутанная в одеяла, и не видела, как мать плачет.

— Возвращайся, — прошептала Ирина.

— Всегда возвращаюсь.

Я поцеловал её в лоб, отстранился, взял автомат.

В коридоре меня ждали Олег и Дима. Оба в гидрокостюмах, бронежилетах, с автоматами и ножами. Дима выглядел бледным, но держался — сжимал оружие крепко, смотрел на меня не мигая.

— Готовы? — спросил я.

— Готовы, — ответил Олег.

— Тогда пошли.

Часть 3. Лес

Лес встретил нас тишиной.

Настоящей, первобытной, которая давит на уши и заставляет сердце биться чаще. Снег скрипел под ногами, ветки похрустывали, изредка срывалась с дерева шапка снега и падала вниз с глухим стуком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.